INVENT, DECONSTRUCT AND REINVENT THE SUPERHERO: THE MISADVENTURES OF THE NATIONAL HERO IN THE MODERN CULTURES OF NATIONALISM (FROM THE NATIONALIST POLITICAL POSTER TO THE COMIC BOOK OF MASS CULTURE)

Maksym W. Kyrchanoff (a)

(a) Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

---

Abstract

The author analyzes the problems of the development of images of heroes and super-heroes in Western culture. The purpose of the article is to analyze the main vectors and trajectories of the transformation of heroic images as forms of actualization of national and political identities. It is assumed that modern images of super-heroes in the mass culture of a consumer society emerges as a result of the processes of gradual erosion and crisis of the nation-state and standardized political identities of the modern era. The author believes that popular culture has changed significantly the basic vectors and paths of development of heroic images in the national self-identities. The author analyzes the role of nationalism in transformations of the images of heroes. The author analyzes the main stages in the transformation of heroic images, suggesting that 1) 19th-century “nationalisms» proposed classic images of national heroes; 2) in the second half of the 20th century, the classic hero in the national imagination became a victim of massivization; 3) by the beginning of the 21st century, multiple images of the national hero of classical culture and the super-hero of mass culture coexisted; 4) at the beginning of the 21st century, a super hero was imagined and invented in the processes of deconstruction of the classical images of a national hero. In general, it is assumed that the comics as a genre in particular and the comics sub-culture in general actualizes the main forms of transformation of the images of the super-hero.

Keywords

Nationalism; Identity; Imagination of Nations; Invention of Traditions; High Cultures; Mass Culture; Romanticism; Comics; Hero; Superhero

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ИЗОБРЕСТИ, ДЕКОНСТРУИРОВАТЬ И СНОВА ИЗОБРЕСТИ СУПЕРГЕРОЯ: ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В МОДЕРНОВЫХ КУЛЬТУРАХ НАЦИОНАЛИЗМА (ОТ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА К КОМИКСУ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ)

Кирчанов Максим Валерьевич (а)

(а) ФГБОУ ВО "Воронежский государственный университет". Воронеж, Россия.
Email: maksymkyrchchanoff[at]gmail.com

Аннотация

Автор рассматривает проблемы развития образов героев и супергероев в западной культуре. Целью статьи является анализ основных векторов и траекторий трансформаций героических образов как форм актуализации национальных и частично политических идентичностей. Теоретические подходы, вдохновленные конструктивистским поворотом, определяют методологические принципы, используемые автором в этой статье. Предполагается, что современные образы супергероев в массовой культуре общества потребления возникли как результат процессов постепенной эрозии и кризиса нации-государства и стандартизированных политических идентичностей эпохи модерна. Автор полагает, что массовая культура существенно изменила основные векторы и траектории развития героических образов в идентичностях. Автор анализирует роль национализма в трансформации образов героев. В статье рассматривается роль национального воображения и изобретения традиций в формировании и трансформации героических нарративов в современных политических и этнических идентичностях. Автор выявляет основные этапы в трансформации героических образов, предполагая, что 1) «национализмы» 19 века предложили классические образы национальных героев; 2) во второй половине 20 века классический герой в национальном воображении стал жертвой массовизации; 3) к началу 21 века сосуществовали множественные образы национального героя классической культуры и супергероя массовой культуры; 4) в начале 21 века супергерой воображался и изобретался в процессах деконструкции классических образов национального героя. В целом предполагается, что комикс в частности и культура комикса в целом актуализирует основные формы трансформации образов супергероя.

Ключевые слова

Национализм; Идентичность; Воображение наций; Изобретение традиций; Высокие культуры; Массовая культура; Романтизм; Комикс; Герой; Супергерой

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution»](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ

Национализм в 19 и 20 веках стал одним из основных факторов, которые определяли векторы и траектории развития западных и незападных наций как «воображаемых сообществ» (Braunstein, Doyle, 2001) и их идентичностей как «изобретенных традиций» (Battalora, 2013; Hahn, 2014; Dieckhoff, 2003), актуализировавших различные политические и культурные ритуалы как практики, содействовавшие консолидации наций как политических групп и воспроизводству национальных мифов как одного из инструментов укрепления идентичности. Националисты в различных странах Европы и других регионах мира использовали в значительной степени сходный инструментарий для изобретения наций и их идентичностей.

На раннем этапе таким универсальным инструментом было историческое воображение (Baár, 2010; Drake, 2018; Gorman, 2012) и консолидация нации как сообщества на основе политически и идеологически мотивированного конструирования и изобретения истории (Hazonu, 2018; Breuilly, 2016; Greenfeld, 2019). Позднее политические и идеологические мифы вошли в число средств, используемых националистами для консолидации нации как политической группы. Во второй половине 20 века национализм был вынужден конкурировать с новыми политическими и идеологическими вызовами, среди которых особое место занимало общество потребления и массовая культура как одна из его системных характеристик. Генезис, развитие, консолидация и фактический триумф общества потребления вынудили национализм в формах, унаследованных от 19 века, изменяться и адаптироваться к новым условиям.

НАЦИОНАЛИЗМ И КЛАССИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Если в 19 и 20 веках национализм активно использовал ресурсы интеллектуальных сообществ и различные формы культурных активностей (литература, живопись, историография, монументальное искусство) для консолидации и продвижения идентичностей при помощи массового воспроизводства политических и культурных традиций, контроля интеллектуальных пространств (Zitzewitz, 2014; Howlett-Martin, 2017; Day-Hickman, 1999; Tseng, 2008; Mitter, 1995; Voime, 1993), то во второй половине 20 столетия эти инструменты в глазах практикующих националистов и рефлексизирующих националистических интеллектуалов стали казаться устаревшими,

архаичными и неэффективными в конкуренции с новыми формами культурных активностей, локализуемых в тогда еще маргинальных и альтернативных пространствах массовой культуры. Развитие и укрепление массовой культуры во второй половине 20 века существенно ослабили ее маргинальность, превратив классические культурные формы и тренды в маргинальные альтернативы, которые стали плохо восприниматься большинством, склонным к существованию в рамках общества потребления и продуцируемой им массовой культуры (Miller, 1997; Belton, 1995).

НАЦИОНАЛИЗМ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

Национализм как в значительной степени адаптивная и реактивная (в смысле активно реагирующая на внешние вызовы) идеология не смогла не использовать возможности массовой культуры для политической и этнической консолидации наций и воспроизводства их изобретаемых традиций. Взаимоотношения между национализмом и массовой культурой (Brandenberger, 2002; Duy Lap Nguyen, 2020; Forgacs, Gundle, 2008; Landsberg, 2004; Landsberg, 2015) как социальной производной от общества потребления разнообразны и в значительной степени могут варьироваться в зависимости от той страны, где функционирует та или иная национальная версия массовой культуры, если, конечно, к массовой культуре применимо определение «национальная».

Анализируя современный национализм, логично предположить, что националистические интеллектуалы на протяжении конца XX – начала XXI века смогли выработать различные тактики и стратегии взаимоотношения и взаимодействия с массовой культурой. Основным стимулом, который вынудил националистов использовать массовую культуру, стал ее адаптивный потенциал и способность эффективно переосмысливать и перерабатывать достижения как классической, так и современной культурной ситуации для их дальнейшего использования, но при условии их интеграции в массовый культурный дискурс и их ассимиляции в нем. Итак, к концу XX века националисты (чьи отдаленные интеллектуальные предки начинали свою активность в рамках «высокой культуры» (Partridge, 2018), чьи непосредственные исторические и политические предшественники действовали и вполне комфортно себя чувствовали в рамках массово воспроизводимых при помощи средней школы и политической агитации идентичностей) были вынуждены отказаться от классических культурных форм национального

воображения в пользу использования механизмов массовой культуры.

Развитие национализма как формы воображения и конструирования мира является маловероятным без формирования и продвижения образов Другого (Алиев, 2018; Алиев, 2019b), а также их политически и идеологически мотивированной и зависимой от внешних и внутренних факторов актуализации (Алиев, 2015). И хотя современные националисты со свойственной им склонностью к архаике, идеализации и романтизации прошлого будут отрицать использование механизмов конструирования массовой культуры (Алиев, 2017; Алиев, 2019a), тем не менее национализм актуализирует свою способность использовать именно эти механизмы как для воображения / изобретения образов Другого / Чужого (Алиев, Якушенкова, 2018; Алиев, Якушенкова, 2019), так и для их продвижения и ситуативной актуализации.

Если в XIX и XX веках националисты активно манипулировали литературой, поэзией, монументальными и изобразительными искусствами для актуализации и визуализации идентичностей и идеи политической нации, то в начале XXI века они осознали мобилизационный потенциал тех форм культурной активности, которые ранее могли восприниматься ими как «низкие» (Klosterman, 2004; Low, 2016; Brottman, 2005). Среди проявлений дискурса массовой культуры, востребованных националистами, оказались фильм, комикс (Eckard, 2018; Naugen, 2005; Wright, 2003), музыкальный клип, которые в начале 21 века стали формами актуализации идентичностей, политических идеологием и мифологием, воспроизводимых националистическими интеллектуалами.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СТАТЬИ

В центре внимания автора в настоящей статье – основные проблемы и направления развития национального воображения в рамках социальной парадигмы, предложенной массовой культурой в контексте ее попыток изобретения супергероя (Brown, 2000; Noberek, 2014).

Задача статьи – изучение генезиса националистических манипуляций массовой культурой как способа консолидации группы через продвижение образов супергероев (Nata, 2011), анализ основных форм национального воображения, создающего супергероев, которые могут быть локализованы в рамках дискурса массовой культуры; анализ основных типологических и региональных раз-

новидностей синтеза между националистическими версиями воображения и отдельными институционализированными проявлениями массовой культуры в рамках трансформации образов супергероя (Young, 2016).

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологически данная статья основана на принципах, предложенных в рамках инвенционистского поворота в изучении национализма, который стал возможен благодаря академическим и интеллектуальным активностям Бенедикта Андерсона (Anderson, 1983) и Эрика Хобсбаума (Hobsbawm, Ranger, 1983). Поэтому фильм, комикс (Goulart, 2000; McCloud, 1994; McCloud, 2000), музыкальный клип воспринимаются как изобретенные традиции, предлагаемые националистами для актуализации национальных идентичностей и анализируются как проявления националистического воображения.

ИМПЕРИИ VS НАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМ CONTRA АВТОРИТАРИЗМ: ОТ ИМПЕРСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ К УНИВЕРСАЛЬНЫМ СУПЕРГЕРОЯМ

Тактики и стратегии, которые политические элиты использовали для воображения, изобретения и продвижения образов национального героя были разнообразны, варьируясь от империй до наций-государств как их исторических оппонентов и конкурентов. Нации и империи стимулировались различными мотивами для воображения своих собственных героев. С одной стороны, империи воображали героя с целью актуализации как своей гетерогенности и множественного разнообразия подданных, так и для визуализации тела империи как потенциальной нации. В случае актуализации образов тела нации как империи, так и государства стремились подчеркивать его различные качества, которые могли варьироваться от феминности до маскулинности, но и имперские, и республиканские националисты актуализировали внимание на единстве и неделимости пространства как тела, что определяло особенности образов героев.

Имперские и национальные ситуации предусматривали свои формы и средства визуализации героических образов; пост-имперские и постнациональные ситуации массовых культур различных версий общества потребления стимулировали качественно иные стратегии и тактики визуализации образов героев, которые к тому

времени успели измениться социально и культурно, став супергероями. Европейские континентальные империи, имперские государства Западного полушария использовали очень сходные методы воображения и изобретения героя, актуализируя ценности славной древней истории имперской нации, преемственность и континуитет правящей династии, единство имперского государственного тела, в то время как альтернативные антиимперские «национализмы» визуализировали качественно иные проявления образа героя, апеллируя к солидарности социально и национально угнетенных и неравноправных групп и законности их националистических движений, фактически направленных на деконструкцию империи, фрагментацию имперского тела и замену имперского героя множественными национальными героями.

На смену имперской модели воображения и героя пришли множественные герои национализирующихся государств. Ситуация героических актуализаций и визуализаций осложнялись наличием авторитарного и тоталитарного политического опыта. Если в рамках имперских моделей социального и культурного воображения на роль героя претендовал император как монарх, то в постимперских авторитарных обществах аналогичные функции монополизировал недемократический политический лидер. Политический плакат в авторитарных режимах стал политически и идеологически мотивированной формой искусства, в рамках которого визуализировался образ героя. Европейские и неевропейские «авторитаризмы» стали фактически стимулами для актуализации и развития национальных версий массовых культур, которые воспроизводили унифицированные и серийные образы героев.

Примечательно, что в постимперских и постнациональных ситуациях классические образы национального героя начали размываться и разрушаться, уступая место образам новых супергероев, которые практически не имели ничего общего со своими территориальными романтическими героическими предшественниками. Если герои имперского и авторитарного воображения актуализировали мифы национального воображения и родовые травмы появления империй и наций как воображаемых сообществ и универсальных антиимперских альтернатив, то новые супергерои массовой культуры трансплантировали качественно другие и иные ценности: образы «капитана Америки», «Супермэна», «Спайдермэна» и «Мэйдэй Паркер», «Бэтмэна», «Аладдина»...

Если герои имперского и национального воображения были максимально закрыты, а имперское и национальное тело могло

быть облачено в военную форму или актуализировать ценности военизированных правых движений, то супергерои массовой культуры, которую охотно восприняли общества потребления, актуализировали альтернативную модель телесной открытости, которая пересеклась с эротикой или вообще могла граничить с порно.

РОМАНТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ, ИЛИ ГЕРОЙ ТРАДИЦИОННЫЙ И ВИДИМЫЙ

Если анализировать национализм в исторической перспективе как мировое явление, то становится очевидным, что практически все националистически ориентированные и национально мыслящие интеллектуалы стремились визуализировать образы Родины как идеального воображаемого сообщества изобретаемой ими нации и предлагаемой ими же изобретенных традиций, призванных как визуализировать существование той или иной нации, так и делать сам этот факт законным в мире, также сконструированном другими нациями и нациями-государствами. В любой ситуации националисты испытывают потребность в фигурах и образах визуального свойства, которые актуализировали бы роль и значение отцов-основателей нации, их место в национальной истории, а также вклад в развитие и укрепление идентичности. Несмотря на общие тенденции и закономерности в развитии национализма, отдельные «национализмы» актуализируют различные возможности образов национального героя в условиях модерновой высокой культуры и его дальнейшей эволюции или мутации в героя культуры массовой, предназначенной для общества потребления.

Один из вариантов трансформации визуальных образов национального героя к супергерою массовой культуры актуализирует интеллектуальная история и культурная археология идей латышского национализма.

Визуализация героя могла стимулироваться различными внешними политическими, идеологическими, литературными и музыкальными стимулами. Музыка стала важным фактором в актуализации и манифестации героических образов в латышской идентичности. Например, важной изобретённой культурной традицией латышского национализма следует признать Праздники песни.

Первый Праздник песни был проведен в 1873 году в Риге. Ко времени распада Российской Империи и появлению независимой Латвийской республики было проведено пять Праздников песни.

Мероприятия были возобновлены в 1926 году, и к моменту потери независимости было организовано четыре фестиваля. В Латвийской ССР было проведено 10 праздников, в независимой Латвии – семь. Все эти праздники в той или иной степени стали формой актуализации, с одной стороны, визуальных образов Латвии как Родины в целом, и, с другой, типических образов национального героя, в особенности.

Первый праздник песни, проведенный в 1873 году, не сопровождался попытками визуализации латышской этничности и идентичности в силу того, что он был важен сам по себе как латышское культурное мероприятие. Именно в 1873 году впервые прозвучала песня «Dievs, svētī Latviju», позднее ставшая гимном Латвии (Tomsons, 1873; Bērzkalns, 1965). Образ Латвии как Родины в 1873 году актуализировался в форме массовых мероприятий культурной направленности.

Второй праздник песни прошел в 1880 году, и специально для него был выпущен плакат, ставший неформальным символом мероприятия (Latviešu otrie..., 1880). Центральной фигурой на плакате 1880 года стало изображение жреца, над которым «летела» девушка в одеянии, отсылающим в большей степени к античности, но не латышской традиционной культуре (Bērzkalns, 1965. 90. lpp). Организаторы Праздника песни 1880 года использовали общеевропейские визуальные образы, а выбор в пользу латышского этнического колорита был сделан несколько позже.

Поворот в сторону этнизации стал замечен только в период проведения Четвертого Праздника песни в 1895 году, когда был выпущен плакат с героями в латышской национальной одежде, что актуализировало преимущественно традиционные и аграрные измерения образа Латвии как Родины. Кроме плаката, была издана *riemīņas atklātne* или памятная открытка, которая уже предлагала более четкий визуальный феминный образ Латвии как девушки в одежде, стилизованной под народную, на фоне природы. На заднем плане присутствовала и фигура жреца (Švēde, 1951), что свидетельствует о колебании латышских националистов середины 1890-х годов между различными формами визуализации идентичности.

Прорывом в рамках визуализации образов Латвии как Родины стал Пятый праздник песни, организованный в 1910 году (Kreicbergs, 1910), для проведения которого был издан плакат, ставший основой для последующих визуализаций латышской идентичности в рамках песенных мероприятий. Плакат 1910 года, автором которого стал Янис Розенталс (1866 – 1917), представлял собой

изображение девушки в национальном костюме с кокле в руках (Bērzkalns, 1965. 201. – 234. lpp), что стало фактически одной из первых традиций феминизировать образ героя

Плакат, призванный визуализировать Шестой праздник песни, который проводился уже в независимой Латвии в 1926 году, в определенной степени продолжал стилистику плаката 1910 года с тем лишь отличием, что с фигурой девушки с пряжей в руках соседствовал мужчина, который держал кокле. Оба героя плаката 1926 года одеты в национальные костюмы (Bērzkalns, 1965. 288 lpp). Для проведения Шестого праздника песни был напечатан набор открыток, представлявших собой изображение жителей Латвии в народных костюмах – из 23 фигур, изображенных на 18 открытках, 19 были женскими, что свидетельствовало о склонности латышских художников визуализировать Латвию как Родину преимущественно в женских образах национального героя (Vadonis VI. Latvju..., 1926). Плакат Седьмого праздника песни, проведенного в 1931 году, представлял собой изображение двух поющих женщин в национальных костюмах (Bērzkalns, 1965. 356. lpp), автором которого стал латышский художник Рихардс Зариныш (1869 – 1939).

Восьмой Праздник песни прошел в 1933 году. Плакат фестиваля работы Никлавса Струнке (1894 – 1966) отличался некоторым отходом от реализма в направлении модернизма, хотя и содержал ставшие традиционными мужскую и женские фигуры (Madernieks, Drekslers, 1933), которые символизировали как Латвию, так и преемственность поколений. Проведение в 1938 году Девятого Праздника песни было отмечено более широкой и активной визуализацией образов Латвии как Родины. Например, было выпущено два плаката в стиле «высокого авторитаризма»: если первый актуализировал преемственность этнической культуры и различных поколений, то второй – образ Латвии как матери-Родины (IX. Latviešu..., 1938).

Проведение Праздников песни было возобновлено в советский период, но роль мероприятия изменилась. Праздник стал каналом актуализации латышской этничности и идентичности, а также формой проявления латышского культурного национализма. Латышская национальная символика, представленная флагами, которые активно использовались до 1940 года, исчезла, будучи замененной советской государственной атрибутикой. Национальные мотивы в визуализации Родины интегрировались в большой советский идеологически и политически мотивированный канон. Образы Латвии как Родины актуализировались только в народных костюмах участников и некоторых текстах исполняемых ими песен.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ: МЕЖДУ КЛАССИЧЕСКОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРОЙ, ИЛИ ОТ ГЕРОЯ ВИДИМОГО К ГЕРОЮ ПОЮЩЕМУ

Образы героя в европейских «национализмах» никогда не были статичными, и в силу того, что националистические интеллектуалы не только зависели от культурной динамики, но и сами формировали культурную повестку дня, герои в классической версии постепенно начали уступать место героям серийным, порожденным кризисом «высокой культуры» и ростом культуры массовой.

Романтические тенденции как формы проявления национализма и функционирования национального воображения могли проявляться в «высокой культуре», которая позднее стала частью классического культурного канона. Проявления романтического националистического дискурса были характерны для произведений нескольких латышских композиторов, которые пришли в музыку на волне национального возрождения второй половины 19 века, или после обретения Латвией политической независимости, когда национализм, стимулируемый романтизмом и попытками изобрести национальную историю, написанную в этнических и героических категориях, стал важным фактором латышского культурного пространства.

Основоположником романтического тренда в латышской музыке и интеллектуалам, который создал стимулы для взаимодействия национализма и музыкального искусства, сформировав классические версии героя как архетипического представителя нации, стал, вероятно, Язепс Витолс (Siliņš, 2006; Čeže, 2008; Klotiņš, 2013; Muške, 1974; Vēriņa, 1991). Он был среди организаторов праздников песни (Bērzkalns, 1965; Dzirkalis, 1939), которые визуализировали проявления традиционной этнической идентичности, идеализировали ее и интегрировали латышскую этничность в романтический героический дискурс. Определенные романтические тенденции заметны в формировании образа героя в этнической системе координат в произведениях Я. Витолса, который сознательно и намеренно интегрировал в романтический канон народные и фольклорные мотивы, подстраиваясь под закономерности его развития и содействуя архаизации и традиционализации образов героя.

Не менее значимая роль принадлежит и другому основоположнику латышской музыки – Андрейсу Юрьянсу (Klotiņš, 1981; Torgāns, 1981), который также внес весомый вклад в синтез тради-

ционной и архаичной музыкальной народной песенной традиции с романтизмом как проявлением политического и этнического латышского национализма. Поэтому его герои также показательно этнически традиционны. Определенные элементы националистического романтизма характерны для его кантаты «Tēvijai» («Отечеству», 1888) и симфонии «Освобождение латышского народа» («Latvju tautas brīvlaišana», 1891).

Одним из латышских композиторов романтического направления был Язепс Мединьш (Mūrniece, 1977; Zālite, 1951). Романтические мотивы, возникшие под влиянием этнизированного националистического воображения, например, заметны в трех операх композитора – «Ziedoņa atmošanās» («Пробуждение кольца»), «Vaidelote» («Вайделоте», 1927) и «Земдеги» («Zemdegi», 1947); в симфониях – «Латвийская земля» («Latvju zeme», 1935) и «Пейзаж Родины» («Dzimtenes ainava», 1935), а также в хоровых песнях, среди которых «Kurzemei» («Курземе»), «Pēc kaujas» («После битвы»), «Saules dziesma» («Песня солнца»), явно навеянные романтическим национализмом. Именно ранний романтический национализм и определял основные координаты, в рамках которых формировался – воображался и изобретался – классический образ героя в национальной и этнической системе координат.

Если латышский национализм начал использовать мобилизационный потенциал романтизма в XIX веке, то чувашский национализм, как национализм с замедленной или отложенной социальной динамикой, смог использовать романтический ресурс только в XX столетии – поэтому, классический образ национального героя возникает в чувашской идентичности как модерновом проекте с определенным социальным и культурным замедлением. Если латышские националисты использовали фольклорные мотивы как основу для развития романтических тенденций в музыке и формировании компромиссных версий образа героя, то чувашские национально ориентированные интеллектуалы обратились к классическому тексту – поэме «Нарспи» Константина Иванова, которая стала для них источником образов чувашского национального героя.

Первая попытка актуализировать образ чуваша как героя в рамках уже не классической, но советской культуры, которая постепенно становилась массовой, была предпринята в конце 1930-х годов композитором В.Г. Иванишиным в сотрудничестве с Д.Д. Даниловым и П.П. Хузангаем, который стал автором либретто. В 1940-е годы Г.Я. Хирбю, будущий классик чувашской музыки, будучи сту-

дентом Ленинградской консерватории, стал автором хоровых песен по мотивам «Нарспи», которые фактически превратились в попытку синтеза романтического культурного дискурса с ценностями чувашского культурного национализма. Автором второй оперы «Нарспи», которая в 1955 была поставлена в Шупашкаре, стал И.Я. Пустыльник. В 1956 году чувашский композитор А.В. Асламас написал вокально-симфоническую поэму «Памяти Поэта» по мотивам «Нарспи», а в 1976 – музыку к балету «Нарспи и Сетнер». Г.Я. Хирбю стал автором третьей оперы «Нарспи» (1967), в состав которой смог включить народные песни, что стало поводом для обвинений в национализме.

Эти музыкальные эксперименты фронтирного характера определили основные особенности и траектории развития образов национального героя в советизированной версии чувашской идентичности. Во внимание следует принимать то, что анализируемые музыкальные произведения только с формальной точки зрения могут быть отнесены к «высокой культуры» в силу того, что их хронологическая локализация в советском периоде позволяет воспринимать их как формы и проявления стандартизированной национальной и поэтому серийно воспроизводимой, то есть массовой культуры. Чувашские интеллектуалы, несмотря на то, что они действовали в условиях доминирования и преобладания советской версии массовой культуры, активно использовали потенции традиционной чувашской культуры, что и определило одну из особенностей чувашского национализма, как того национализма, где дискурс политического мигрировал в сферу культуры. Поэтому образ национального героя был аполитичным, что открыло возможности для его последовательной национализации и, как следствие, актуализации наиболее типичных особенностей идентичности.

В 1980–1990-е гг. проявления романтического в чувашском и латышском музыкальном искусстве изменились в сфере локализации романтизма. Если раннее романтические мотивы доминировали в условно классических музыкальных жанрах, то к 1990-м годам магистральной тенденцией стала их миграция в направлении массовой культуры. На смену опере как локуса проявления романтического пришла рок-опера и мюзикл, что изменило и формы актуализации образа героя, который перестает быть героем классического модернового национализма, мутируя в супергероя массовой культуры общества потребления.

В 1988 году в Риге была поставлена рок-опера «Лачплесис», автор либретто которой стала Мара Залите (Zālīte, 1988), а композито-

ром – Зигмарс Лиепиньш. В основе рок-оперы лежала классическая поэма Андреяса Пумпурса, ставшая памятником романтического национализма (Smidchens, 2007). В 2013 году была поставлена новая версия оперы. В 2008 году в Шупашкаре был поставлен мюзикл «Нарспи» (Казаков, Чиндыков, Сергеев, 2011; Казаков, Чиндыков, 2008), иногда определяемый как рок-опера (Лизакова, 2012), автором музыки для которого стал Николай Казаков, а автором либретто – Борис Чиндыков. Эти процессы в интеллектуальной и культурной истории латышского и чувашского национализма фактически стали попытками смены географии культурного обитания героя, мутировавшего в супергероя. Усилия латышских и чувашских интеллектуалов привели к деконструкции героя в традиционном культурном пространстве, что стало поводом для его последующей трансплантации в качественно другие культурные пространства, которые оказались более массовыми и, как результат, серийными и стандартизированными в соответствии с запросами общества потребления. Миграция романтического дискурса в музыкальном латышском и чувашском национализме, как частном случае культурного национализма, свидетельствует о том, что романтическое, несмотря на тенденции модернизации и глобализации, остается востребованным ресурсом национального воображения, к которому периодически обращаются националисты в своих попытках актуализировать и визуализировать латышскую и чувашскую этничность в условиях доминирования массовой культуры.

МНОЖЕСТВЕННЫЕ СЕРИЙНЫЕ (СУПЕР)ГЕРОИ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Если в рамках второй и третьей форм визуализации образов героя мы могли наблюдать сосуществование нескольких типов героя в национальных идентичностях, что было связано в их существованием в рамках высокой культуры, то следующий этап, отмеченный трансформацией классической культуры в массовую, отмечен одновременным сосуществованием и софункционированием нескольких форм актуализации образов героев, которые и сами стали гетерогенны. Кроме этого, классические герои, порожденные национальным воображением, обрели нового, не существовавшего ранее, конкурента, которым стал супергерой из массовой культуры общества потребления. Поэтому на протяжении второй половины 20 века пространства культурного бытования супергероев были очень разнообразны. С одной стороны, они продолжали существо-

вать в рамках националистического воображения, актуализируясь при помощи визуальных средства (например, политический плакат пропагандистского свойства). С другой стороны, национальный герой постепенно мутирует в супергероя в пространствах доминирования массовой культуры, так как и ее продукты – от комикса до триллера – в той или иной степени актуализировали националистические мифы и политические ценности национализма.

Поэтому в данном разделе автор попытается систематизировать различные формы актуализации национальных героев в массовой культуре и, принимая во внимание ее множественный и гетерогенный характер, география этого раздела будет более обширной, чем предыдущих частей статьи.

В предыдущих разделах в качестве источника примеров визуализированных образов героя фигурировал латышский национализм. К концу XX века Лачплесис, классический воображенный герой латышского национализма XIX века, пал жертвой массовой культуры и общества потребления, превратившись из мифического персонажа в один из пивных брендов, и хотя Лачплесис на пивной этикетке одноименного бренда обладал всеми родовыми признаками национального Лачплесиса, он, тем не менее, был несколько упрощен, став более массовым. Реклама стала не единственной сферой актуализации образов национального героя, который мутировал в супергероя. Другие сферы массовой культуры были более важны для социальных мутаций и трансформаций героя в направлении его культурной эволюции в направлении супергероя.

Особая роль в процессах мутации национального героя современных культур в супергероя массовой культуры принадлежала комиксу.

Комикс подверг современные идентичности десакрализации, превратив их в объект потребления и часть массовой культуры. История в современном комиксе стала такой же частью культуры массового потребления как хоррор или детектив, эротика или порно. В этом контексте заметна и фрагментация дискурса массовой культуры в тех ее пространствах, на территории которой условно может быть локализован комикс, актуализирующий одновременное сосуществование «высоких» и «низких» трендов в массовой культуре. Одной из форм комиксной проработки прошлого стал медиевализм, а комиксы, сфокусированные на условной средневековой тематике, актуализируют разные уровни массовой культуры, удовлетворяя потребности как среднего потребителя, так и читателя с большими культурными запросами.

Если в Европе медиевалистские комиксы (Weber, Tenderini, 2016; McConville, Barra, 2014; Fraley, 2014; Mosse, 2017; Knipper, 2015) могут играть роль в формировании и актуализации национальной идентичности, будучи формой функционирования исторической памяти и проработкой прошлого, то в США такой национально значимой темой для идентичности стала Гражданская война, которая широко представлена в комиксной культуре, а диапазон ее интерпретаций является чрезвычайно гетерогенным. Поэтому комиксы о Гражданской войне (Messner-Loebs, Rockwell, Fredericks, 1998) могут актуализировать как проблемы исторической памяти, так и роль расы и гендера в истории США. Кроме этого, комикс в западной массовой культуре стал фактором развития исторической памяти и исторической политики (Weissman, 2012; Harris, 2017), попыткой примирения с прошлым через рассказ о его спорных моментах в упрощенной и иногда нарочито примитивизированной форме. Комикс актуализировал различные версии исторической и политической памяти: с одной стороны, комиксы некоторых стран Востока стали попыткой национализации истории, использующей потенциал массовой культуры, привнесенной с Запада (Attanasio, 1974); с другой, западные авторы через язык комикса транслировали свои стереотипы о роли и места Востока (Kadivar, 2007).

КОНСТРУИРУЯ СУПЕРГЕРОЯ ЧЕРЕЗ ДЕКОНСТРУКЦИЮ КЛАССИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

Комикс оказался весьма эффективным не только в создании и актуализации политической и национальной мифологии, но и в ее деконструкции, радикальном пересмотре более ранних форм и версий идентичности в направлении их последовательной ревизии на принципах массовой культуры общества потребления. Комикс, с одной стороны, сыграл менее важную роль в процессе деконструкции классических националистических мифов авторитаризма, но эти процессы стали возможны только в постсоветский период. С другой, не менее значим вклад комикса в процессы эрозии и постепенного размывания формально стабильных неевропейских идентичностей, которые под влиянием культуры комикса стали подвергаться секуляризации и отходу от традиционных форм актуализации проблемы в пользу комикса как более доступной и массовой версии культуры.

Например, традиционная индийская версия идентичности предусматривала соблюдение как формальных, так и неформаль-

ных норм и предписаний, отягощенных существованием социальных проблем, институционализированных в кастовой системе, которая оказалась фактически непреодолимым препятствием для политической модернизации, проводимой с момента получения Индией независимости. Традиционная модель индийской культуры предусматривала актуализацию телесности и даже сексуальности героя, но рост массовой культуры и интеграция индийского общества в западные модели общества потребления в определенной степени изменили ситуацию. Традиционные для Индии скульптурные попытки актуализации телесности и сексуальности героя (скульптура храмов Каджурахо) стали выглядеть слишком архаично в сравнении с теми средствами визуализации, которые оказались доступны в массовой культуре. Массовая культура, представленная комиксом и кинопроизводством, стала стимулом для деконструкции традиционных форм идентичности, предложив проект “Savita Bhabhi”, породивший серию комиксов и фильмов порнографического содержания. В этом контексте традиционные мифические герои (Индра, Варуна, Вишну) и национальные герои эпохи модерна оказались фактически бессильны перед потреблением, которое стимулировалось спросом, рынком и массовым производством.

Российская массовая культура подвергла деконструкции некоторые мифы советской эпохи, что нашло свое выражение в проекте продвижения никогда не существовавших советских комиксов, что имело общие элементы с классическими литературными мистификациями. Обложки никогда не опубликованных комиксов – «Пионеры-мутанты», «Чёркисть», «Первые шаги Тротро по Стране Советов», «Человек-Колхозник и Коммунистический мир будущего», «Непобедимый Красный Медведь против оккупантов», «Гагарин. Атака чудовищ из глубин космоса» и «Горберт. Сборник коротких комиксов о консенсусе» – стали фактически попыткой ревизии и деконструкции мифов советской идентичности, но эти «комиксы» фактически оказались понятны только для той части современного российского общества, которая имела советский опыт и была в состоянии провести культурные параллели между явлениями советской («Пионеры-герои») и актуальной массовой культурой.

Рис. 1. Плакат Второго Праздника Песни, Латвия, 1880

Рис. 2. Плакат Четвертого Праздника Песни, Латвия, 1895

Рис. 3. Плакат Пятого Праздника Песни, Латвия, 1910

Рис. 4. Плакат Шестого Праздника Песни, Латвия, 1926

Рис. 5. Плакат Седьмого Праздника Песни, Латвия, 1926

Рис. 6. Плакат Девятого Праздника Песни, Латвия, 1938

Рис. 7 – 14. Нарспи – множественные трансформации образа:
иллюстрация – обложка – рок-опера – кукла – алкогольный бренд – гламур

Рис. 15 – 23. Лачплесис – континуитет и дискретность образов:
 монументальное искусство – плакат – орден – иллюстрация –
 почтовая марка – алкогольный бренд – рок-опера

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определили как основные векторы и траектории развития и функционирования массовой культуры в рамках национального воображения, так и роль национализма в национализации и идеологизации различных «масс-культурных» проявлений в рамках их интеграции в идеологический дискурс, а также политически мотивированного применения.

Во-первых, процессы взаимовлияния и взаимодействия между массовой культурой и национализмом имели двусторонний характер: с одной стороны, национализм использовал формы массовой культуры, адаптируя их под свои политические нужды и идеологические потребности; с другой, массовая культура использовала идейное и культурное наследие национализма, одновременно упрощая его культурные архетипы, унаследованные им от высокой культуры, и меняясь сама в направлении сближения с рудиментарными пережитками классических культур.

Во-вторых, фильм стал эффективным инструментом националистических мобилизаций и манипуляций в рамках попыток националистов использовать адаптивный потенциал массовой культуры в силу того, что потребление фильмов в определенной степени упрощено в сравнении с формами и проявлениями «высокой культуры». Националистические мифы и стереотипы в большей или меньшей степени могут проявляться в сериалах или историческом кино, если оно принадлежит к канону массовой культуры, но потенциал кино как формы массовой культурной активности все же не столь значителен в сравнении, например, с комиксом или компьютерными играми, которые могут оказаться более потребляемыми определенными возрастными группами, склонными воспринимать кино как часть более традиционной культуры.

Поэтому, в-третьих, комикс в ряде случаев оказывается в большей степени востребованным, чем другие формы массовой культуры. Несколько факторов содействовали успеху комикса как части массовой культуры в контекстах развития национального воображения, точнее – его адаптации к изменившимся внешним культурным условиям. Вероятно, генетически комикс связан с другими, хронологически более ранними, попытками и формами визуализации национальной идентичности. Политический националистический плакат, национальная романтическая поэзия и нацио-

нальный роман – основные предшественники комикса как формы актуализации национальной идентичности.

В-четвертых, если комикс, с одной стороны, есть изобретенная традиция национализма, то с другой, как форма массовой культуры, комикс воспроизводит основные национальные мифы, которые вполне могут восприниматься и как изобретенные традиции – поэтому комиксы, как и другие формы националистической пропаганды и визуализации национальной идентичности, могут актуализировать и воспроизводить различные версии идентичности как идеи самости или тиражировать образы Другого как универсального и неизбежного врага, содействуя одновременно как большей доступности национальных мифов, так и последовательной индоктринизации потребителей массовой культуры, для некоторых из которых ее националистический и политический «месседж» может быть не столь очевиден, как визуальные формы потребления.

В-пятых, комикс как форма национального воображения зависит от политической ситуации и идеологической конъюнктуры. Поэтому комиксы, как и литературные произведения, и академические тексты, может быть жертвой политической цензуры. Одни версии национального воображения фактически исключают, не принимают и не принимают другие национальные дискурсы. Армянская массовая культуры не принимает турецкий исторический комикс, турецкая массовая культура в этой ситуации неизбежно будет отрицать и маргинализировать визуализированные в форме комикса версии турецкого исторического мифа. Официальная версия иранской массовой культуры не принимает формы иранской массовой культуры, которые функционировали до исламской революции, а иранская национальная версия массовой культуры в эмиграции, соответственно, отторгает религиозноцентричные проявления официального культурного дискурса Исламской Республики Иран, несмотря на формальную общность этнической, лингвистической и исторической идентичности. Армянский, турецкий, иранский примеры – только немногочисленные иллюстрации зависимости комикса как части массовой культуры от политической и идеологической конъюнктуры, а в случае необходимости этот ряд может быть дополнен другими примерами, когда политические сообщества в стадии модернизации как национализации могут использовать универсальный для массовой культуры язык комикса для воображения идентичностей и массового изобретения традиций.

Таким образом, миграция национального воображения из традиционных «высоких» культурных форм в направлении массовой

культуры как «низкой» может восприниматься как регресс в силу того, что с формальной точки зрения комикс, как форма визуализации национальной идентичности, по своему идеологическому посланию в значительной степени уступает национальной романтической поэзии, национальному модернистскому роману и визуальным формам монументального искусства. В этом контексте комикс, с одной стороны, есть явный шаг назад в сравнении с националистическим плакатом с визуальной и эстетической точки зрения, но с другой, комикс стал попыткой синхронизации и одновременной актуализации нескольких версий национального воображения, используя визуальность националистического плаката или монументального искусства, выдержанного в националистической системе координат, и текстуальность национального дискурса в традиционной – поэтической или прозаической – формах.

В целом дальнейшие междисциплинарные исследования комикса как части массовой культуры и одной из версий национального воображения могут стать сферой синтеза достижений как националистических штудий, так и результатов исследований, сфокусированных на изучении массовой культуры в рамках новой социальной или истории.

Список литературы

- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso.
- Attanasio, D. (1974). *Regained Glory*. Retrieved from <http://shahrefarang.com/en/regained-glory-2/>
- Baár, M. (2010). *Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Battalora, J. (2013). *Birth of a White Nation: The Invention of White People and Its Relevance Today*. NY.: Strategic Book Publishing & Rights Agency.
- Belton, J. (1995). *Movies and Mass Culture*. Rutgers University Press.
- Bērzkālns, V. (1965). *Latviešu dziesmu svētku vēsture: 1864 – 1940*. Bruklina: Grāmatu draugs.
- Boime, A. (1993). *The Art of the Macchia and the Risorgimento: Representing Culture and Nationalism in Nineteenth-Century Italy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931 – 1956*. Harvard: Harvard University Press.

- Braunstein, P. & Doyle, M.W. (2001). *Imagine Nation: The American Counterculture of the 1960s and 70s*. L.: Routledge.
- Breuilly, J. (2016). *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Brottman, M. (2005). *High Theory / Low Culture*. L.: Palgrave Macmillan.
- Brown, J.A. (2000). *Black Superheroes, Milestone Comics, and Their Fans*. University Press of Mississippi.
- Čeže, M. (2008). Latvju opera un Jāzeps Vītols. *Mūzikas akadēmijas raksti*, (IV), 14–49.
- Day-Hickman, B.A. (1999). *Napoleonic Art: Nationalism and the Spirit of Rebellion in France (1815 – 1848)*. University of Delaware Press.
- Dieckhoff, A. (2003). *The Invention of a Nation: Zionist Thought and the Making of Modern Israel*. Columbia University Press.
- Drake, R. (2018). *Charles Austin Beard: The Return of the Master Historian of American Imperialism*. Cornell University Press.
- Duy Lap Nguyen, (2020). *The unimagined community: Imperialism and culture in South Vietnam*. Manchester: Manchester University Press.
- Dzirkalis, K. (1939). *Pirmo latviešu dziesmu svētku 75 gadu atceres svinības Dikļos Pirmo Dziesmusvētku parka Neikena kalniņā 1939. gada 16. jūlijā*. Rīga: Pagalms.
- Eckard, S. (2018). *Comic Connections: Reflecting on Women in Popular Culture*. NY.: Rowman & Littlefield Publishers.
- Forgacs D. & Gundle St. (2008). *Mass Culture and Italian Society from Fascism to the Cold War*. Indiana University Press.
- Fraley, M. (2014). *Arthur: King of Britain*. NY.: comiXology.
- Gorman, A. (2012). *Historians, State and Politics in Twentieth Century Egypt: Contesting the Nation*. L.: Routledge.
- Goulart, R. (2000). *Comic Book Culture: An Illustrated History*. NY.: Collectors Press.
- Greenfeld, L. (2019). *Nationalism: A Short History*. NY.: Brookings Institution Press,.
- Hahn, S. (2014). *The Invention of the Creek Nation, 1670 – 1763*. University of Nebraska Press.
- Harris, M. (2017). *Black Hitler saves Hanukkah*. NY.: comiXology.
- Haugen, D. (2005). *Comic Books: Examining Pop Culture*. L. – NY.: Greenhaven Press.
- Hazon, Y. (2018). *The Virtue of Nationalism*. L.: Basic Books.
- Hoberek, A. (2014). *Considering Watchmen: Poetics, Property, Politics*. Rutgers University Press.
- Hobsbawm, E. & Ranger, T. (Eds.) (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Howlett-Martin, P. (2017). *Art, Nationalism and Cultural Heritage: Artworks Belong Where They Are Found*. NY.: CS Independent Publishing.
- IX. *Latviešu dziesmu svētki* (1938). Rīga: IX. dziesmusvētku rīcības komiteja.
- Kadivar, D. (2007). Persian History Inspires French Comic Book Masters. *Payvand*. February 15.
- Klosterman, Ch. (2004). *Sex, Drugs, and Cocoa Puffs: A Low Culture Manifesto*. NY.: Scribner.
- Klotiņš, A. (1981). *Jurjānu Andrejs mūzikas kultūrā un tautā*. Rīga: Zinātne.
- Klotiņš, A. (2013). Jāzeps Vītols kā mūzikas fundamentālists un universalists. *Letonica*, (25), 95–106. .
- Knipper, E. (2015). *Berserker. Godfred Vejdeking*. NY.: comiXology.
- Kreicbergs, J. (1910). *Vispārējie Latviešu dziesmu svētki Rīgā 19., 20. un 21.jūnijā 1910.gadā*. Rīga: "Latvijas" drukātava.
- Landsberg, A. (2004). *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. Columbia University Press.
- Landsberg, A. (2015). *Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge*. Columbia University Press.
- Latviešu otrie vispārīgie dziedāšanas svētki Rīgā, no 17. līdz 20.jūnijam* (1880). Jelgava: Zīslaks.
- Low, S. (2016). *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. L. – NY.: Routledge.
- Madernieks, J. & Drekslers, A. (1933). *I. Dziesmusvētku 60 gadu atceres. Dziesmusvētku vadonis*. Rīga: Latviešu dziesmusvētku biedrība.
- McCloud, S. (1994). *Understanding Comics: The Invisible Art*. L. – NY.: William Morrow.
- McCloud, S. (2000). *Reinventing Comics: The Evolution of an Art Form*. L. – NY.: William Morrow.
- McConville, R. & Barra, D. de. (2014). *Brian Boru and The Battle of Clontarf*. NY.: comiXology.
- Messner-Loebs, W., Rockwell, R. & Fredericks, F. (1998). *Epic Battles of the Civil War*. NY.: Marvel.
- Miller, D. (1997). *Material Culture and Mass Consumption*. NY. – L.: Wiley-Blackwell.
- Mitter, P. (1995). *Art and Nationalism in Colonial India, 1850-1922: Occidental Orientations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mosse, G. (2017). *13 Samurai*. NY.: comiXology.
- Mūrniece, L. (1977). *Jāzeps Mediņš*. Rīga: Liesma.
- Muške, V. (1974). *Jāzeps Vītols – mūzikas kritiķis*. Rīga: Zinātne.

- Nama, A. (2011). *Super Black: American Pop Culture and Black Superheroes*. University of Texas Press.
- Partridge, Ch. (2018). *High Culture: Drugs, Mysticism, and the Pursuit of Transcendence in the Modern World*. Oxford: Oxford University Press.
- Siliņš, U. (2006). *Dziesmai vienī gala nava: Jāzeps Vītols savās un laikabiedru vēstulēs 1918–1944*. Rīgā: Nordic.
- Smidchens, G. (2007). National Heroic Narratives in the Baltics as a Source for Nonviolent Political Action. *Slavic Review*, 66(3), 484–508.
- Švēde, E. (1951). Ar dziesmu pret pārkrievoņiem. *Latvija*, 78–79.
- Tomsons, R. (1873). *Pirmie vispārīgie Latviešu dziedāšanas svētki Rīgā no 26. līdz 29. jūnijam 1873. gadā*. Rīga: RLB
- Torgāns, J. (1981). *Jurjānu Andrejs*. Rīga: Liesma.
- Tseng, A.Y. (2008). *The Imperial Museums of Meiji Japan: Architecture and the Art of the Nation*. Washington: University of Washington Press.
- Vadonis VI. *Latvju vispārējiem Dziesmu un mūzikas svētkiem 1926.gada 19., 20., 21.jūnijā (1926)*. Rīga: VI. latvju dziesmu un mūzikas svētku Preses un propagandas sekcijas izdevums.
- Vēriņa, S. (1991). *Jāzeps Vītols – komponists un pedagogs*, Rīga: Avots.
- Weber, P. & Tenderini, E. (2016). *1066: William the Conqueror*. NY.: comiXology.
- Weissman, St. (2012). *Barack Hussein Obama*. NY.: comiXology.
- Wright, B.W. (2003). *Comic Book Nation: The Transformation of Youth Culture in America*. Johns Hopkins University Press.
- Young, P. (2016). *Frank Miller's Daredevil and the Ends of Heroism*. Rutgers University Press.
- Zālite, M. (1951). *Jāzeps Mediņš*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
- Zālite, M. (1988). Rokopera «Lāčplēsis». *Librets*. Retrieved from <https://dziedava.lv/muzika/liml/lacplibr.htm>
- Zitzewitz, K. (2014). *The Art of Secularism: The Cultural Politics of Modernist Art in Contemporary India*. Oxford: Oxford University Press.
- Алиев, Р. (2015). Феномен героя и героического в исторической ретроспективе - от Античности до наших дней. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2(43), 42-49.
- Алиев, Р. (2017). Культурообразующая роль американского комиксного супергероя как образа Другого/Чужого. *Культура и искусство*, (10), 1-12. Doi: 10.7256/2454-0625.2017.10.24508
- Алиев, Р. (2018). Вестиментарные модели воображаемого Чужого. *Журнал Фронтирных Исследований*, (4), 76-97. Doi: 10.24411/2500-0225-2018-10 024

- Алиев, Р. (2019a). Образ Чужого в пространстве сети Интернет: этнополитический аспект. *Философия и культура*, (8), 14-31. Doi: 10.7256/2454-0757.2019.8.30613
- Алиев, Р. (2019b). Чужой и чужая культура: выявление моделей инаковости на основе поисковых запросов россиян в Интернете. *Журнал Фронтирных Исследований*, (4-1), 155-171. Doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 032
- Алиев, Р. & Якушенкова, О. (2018). Алиментарные модели воображаемого Чужого. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4(57), 160-166.
- Алиев, Р. & Якушенкова, О. (2019). Маркеры сексуальности Чужого в российском Интернет-пространстве. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4 (61), 125-133. Doi: 10.21672/1818-510X-2019-61-4-125-133
- Казаков, Н. & Чиндыков, Б. (2008). *Нарспи (Песнь о любви, победившей смерть): мюзикл по мотивам поэмы классика чувашской литературы К. Иванова «Нарспи» (либретто). Композитор: Н. Казаков; либретто: Б. Чиндыков. Чебоксары: Чувашская государственная филармония.*
- Казаков, Н., Чиндыков, Б. & Сергеев, А. (2011). *Нарспи: мюзикл (буклет). Композитор: Н. Казаков; либретто: Б. Чиндыков; режиссёр-постановщик: А. Сергеев. Чебоксары: Чувашская государственная филармония.*
- Лизакова, Р. (2012). Государственные символы и языки призваны объединять народы. *Советская Чувашия*, 25 апреля.

References

- Aliev, R. (2018). Vestimentary models of the Imaginative Other. *Journal of Frontier Studies*, (4), 76-97. Doi: 10.24411/2500-0225-2018-10 024 (In Russian)
- Aliev, R. (2019a). Image of the other on the internet: ethno-political aspect. *Philosophy & Culture*, (8), 14-31. Doi: 10.7256/2454-0757.2019.8.30613 (In Russian)
- Aliev, R. (2015). The Phenomenon of the Hero and the Heroic in Historical Perspective - from Ancient to the Present Day. *Caspian Region: Politics, Economy, Culture*, 2(43), 42-49. (In Russian)
- Aliev, R. (2017). Culturally formative role of the American comic book superhero as an image of the Other/Alien. *Culture & Art*, (10), 1-12. Doi: 10.7256/2454-0625.2017.10.24508 (In Russian)
- Aliev, R. (2019b). The Other and the Other's Culture: Revealing Models of Otherness on the Basis Of Russians' Search Queries in the Internet. *Journal of Frontier Studies*, (4-1), 155-171. Doi: 10.24411/2500-0225-2019-10 032 (In Russian)
- Aliev, R. & Yakushenkova, O. (2018). Alimentary Models of the Imaginative Other. *Caspian region: politics, economy, culture*, 4(57), 160-166. (In Russian)
- Aliev, R. & Yakushenkova, O. (2019). The Markers of the Other's Sexuality in the Russian Internet Space. *Caspian region: politics, economy, culture*, 4 (61), 125-133. Doi: 10.21672/1818-510X-2019-61-4-125-133 (In Russian)
- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.: Verso.

- Attanasio, D. (1974). *Regained Glory*. Retrieved from <http://shahrefarang.com/en/regained-glory-2/>
- Baár, M. (2010). *Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Battalora, J. (2013). *Birth of a White Nation: The Invention of White People and Its Relevance Today*. NY.: Strategic Book Publishing & Rights Agency.
- Belton, J. (1995). *Movies and Mass Culture*. Rutgers University Press.
- Bērzkālns, V. (1965). *Latviešu dziesmu svētku vēsture: 1864 – 1940*. Bruklina: Grāmatu draugs.
- Boime, A. (1993). *The Art of the Macchia and the Risorgimento: Representing Culture and Nationalism in Nineteenth-Century Italy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Brandenberger, D. (2002). *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931 – 1956*. Harvard: Harvard University Press.
- Braunstein, P. & Doyle, M.W. (2001). *Imagine Nation: The American Counterculture of the 1960s and 70s*. L.: Routledge.
- Breuilly, J. (2016). *The Oxford Handbook of the History of Nationalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Brottman, M. (2005). *High Theory / Low Culture*. L.: Palgrave Macmillan.
- Brown, J.A. (2000). *Black Superheroes, Milestone Comics, and Their Fans*. University Press of Mississippi.
- Čeže, M. (2008). Latvju opera un Jāzeps Vītols. *Mūzikas akadēmijas raksti*, (IV), 14–49.
- Day-Hickman, B.A. (1999). *Napoleonic Art: Nationalism and the Spirit of Rebellion in France (1815 – 1848)*. University of Delaware Press.
- Dieckhoff, A. (2003). *The Invention of a Nation: Zionist Thought and the Making of Modern Israel*. Columbia University Press.
- Drake, R. (2018). *Charles Austin Beard: The Return of the Master Historian of American Imperialism*. Cornell University Press.
- Duy Lap Nguyen, (2020). *The unimagined community: Imperialism and culture in South Vietnam*. Manchester: Manchester University Press.
- Dzirkālis, K. (1939). *Pirmo latviešu dziesmu svētku 75 gadu atceres svinības Dikļos Pirmo Dziesmusvētku parka Neikena kalniņā 1939. gada 16. jūlijā*. Rīga: Pagalms.
- Eckard, S. (2018). *Comic Connections: Reflecting on Women in Popular Culture*. NY.: Rowman & Littlefield Publishers.
- Forgacs D. & Gundle St. (2008). *Mass Culture and Italian Society from Fascism to the Cold War*. Indiana University Press.
- Fraleigh, M. (2014). *Arthur: King of Britain*. NY.: comiXology.
- Gorman, A. (2012). *Historians, State and Politics in Twentieth Century Egypt: Contesting the Nation*. L.: Routledge.
- Goulart, R. (2000). *Comic Book Culture: An Illustrated History*. NY.: Collectors Press.
- Greenfeld, L. (2019). *Nationalism: A Short History*. NY.: Brookings Institution Press.

- Hahn, S. (2014). *The Invention of the Creek Nation, 1670 – 1763*. University of Nebraska Press.
- Harris, M. (2017). *Black Hitler saves Hanukkah*. NY.: comiXology.
- Haugen, D. (2005). *Comic Books: Examining Pop Culture*. L. – NY.: Greenhaven Press.
- Hazon, Y. (2018). *The Virtue of Nationalism*. L.: Basic Books.
- Hoberek, A. (2014). *Considering Watchmen: Poetics, Property, Politics*. Rutgers University Press.
- Hobsbawm, E. & Ranger, T. (Eds.) (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Howlett-Martin, P. (2017). *Art, Nationalism and Cultural Heritage: Artworks Belong Where They Are Found*. NY.: CS Independent Publishing.
- IX. *Latviešu dziesmu svētki* (1938). Rīga: IX. dziesmusvētku rīcības komiteja.
- Kadivar, D. (2007). Persian History Inspires French Comic Book Masters. *Payvand*. February 15.
- Kazakov, N. & Chindykov, B. & Sergeev, A. (2011). *Narspi*: musical (booklet). Composer: N. Kazakov; libretto: B. Chindykov; director-director: A. Sergeyev. Cheboksary: Chuvash State Philharmonic. (In Russian)
- Kazakov, N. & Chindykov, B. (2008). *Narspi (Song about love that conquered death): musical based on the poem "Narspi" (libretto) by the classic of Chuvash literature K. Ivanov*. Composer: N. Kazakov; libretto: B. Chindykov. Cheboksary: Chuvash State Philharmonic. (In Russian)
- Klosterman, Ch. (2004). *Sex, Drugs, and Cocoa Puffs: A Low Culture Manifesto*. NY.: Scribner.
- Klotiņš, A. (1981). *Jurjānu Andrejs mūzikas kultūrā un tautā*. Rīga: Zinātne.
- Klotiņš, A. (2013). Jāzeps Vītols kā mūzikas fundamentālists un universalists. *Letonica*, (25), 95–106. .
- Knipper, E. (2015). *Berserker. Godfred Vejdekings*. NY.: comiXology.
- Kreicbergs, J. (1910). *Vispārējie Latviešu dziesmu svētki Rīgā 19., 20. un 21.jūnijā 1910.gadā*. Rīga: "Latvijas" drukātava.
- Landsberg, A. (2004). *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. Columbia University Press.
- Landsberg, A. (2015). *Engaging the Past: Mass Culture and the Production of Historical Knowledge*. Columbia University Press.
- Latviešu otrie vispārīgie dziedāšanas svētki Rīgā, no 17. līdz 20.jūnijam* (1880). Jelgava: Zīslaks.
- Lizakova, R. (2012). State symbols and languages are designed to unite peoples. *Soviet Chuvashia*, April 25. (In Russian)
- Low, S. (2016). *Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place*. L. – NY.: Routledge.
- Madernieks, J. & Drekslers, A. (1933). *I. Dziesmusvētku 60 gadu atceres. Dziesmusvētku vadonis*. Rīga: Latviešu dziesmusvētku biedrība.
- McCloud, S. (1994). *Understanding Comics: The Invisible Art*. L. – NY.: William Morrow.

- McCloud, S. (2000). *Reinventing Comics: The Evolution of an Art Form*. L. – NY.: William Morrow.
- McConville, R. & Barra, D. de. (2014). *Brian Boru and The Battle of Clontarf*. NY.: comiXology.
- Messner-Loebs, W., Rockwell, R. & Fredericks, F. (1998). *Epic Battles of the Civil War*. NY.: Marvel.
- Miller, D. (1997). *Material Culture and Mass Consumption*. NY. – L.: Wiley-Blackwell.
- Mitter, P. (1995). *Art and Nationalism in Colonial India, 1850-1922: Occidental Orientations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mosse, G. (2017). *13 Samurai*. NY.: comiXology.
- Mūrniece, L. (1977). *Jāzeps Mediņš*. Rīga: Liesma.
- Muške, V. (1974). *Jāzeps Vītols – mūzikas kritiķis*. Rīga: Zinātne.
- Nama, A. (2011). *Super Black: American Pop Culture and Black Superheroes*. University of Texas Press.
- Partridge, Ch. (2018). *High Culture: Drugs, Mysticism, and the Pursuit of Transcendence in the Modern World*. Oxford: Oxford University Press.
- Siliņš, U. (2006). *Dziesmai vienai gala nava: Jāzeps Vītols savās un laikabiedru vēstulēs 1918–1944*. Rīgā: Nordic.
- Smidchens, G. (2007). National Heroic Narratives in the Baltics as a Source for Nonviolent Political Action. *Slavic Review*, 66(3), 484–508.
- Švēde, E. (1951). Ar dziesmu pret pārkrievošanai. *Latvija*, 78–79.
- Tomsons, R. (1873). *Pirmie vispārīgie Latviešu dziedāšanas svētki Rīgā no 26. līdz 29. jūnijam 1873. gadā*. Rīga: RLB
- Torgāns, J. (1981). *Jurjānu Andrejs*. Rīga: Liesma.
- Tseng, A.Y. (2008). *The Imperial Museums of Meiji Japan: Architecture and the Art of the Nation*. Washington: University of Washington Press.
- Vadonis VI. *Latvju vispārējiem Dziesmu un mūzikas svētkiem 1926.gada 19., 20., 21.jūnijā* (1926). Rīga: VI. latvju dziesmu un mūzikas svētku Preses un propagandas sekcijas izdevums.
- Vēriņa, S. (1991). *Jāzeps Vītols – komponists un pedagogs*, Rīga: Avots.
- Weber, P. & Tenderini, E. (2016). *1066: William the Conqueror*. NY.: comiXology.
- Weissman, St. (2012). *Barack Hussein Obama*. NY.: comiXology.
- Wright, B.W. (2003). *Comic Book Nation: The Transformation of Youth Culture in America*. Johns Hopkins University Press.
- Young, P. (2016). *Frank Miller's Daredevil and the Ends of Heroism*. Rutgers University Press.
- Zālite, M. (1951). *Jāzeps Mediņš*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
- Zālite, M. (1988). Rokopera «Lāčplēsis». *Librets*. Retrieved from <https://dziedava.lv/muzika/liml/lacplibr.htm>
- Zitzewitz, K. (2014). *The Art of Secularism: The Cultural Politics of Modernist Art in Contemporary India*. Oxford: Oxford University Press.